

УДК 830(091)

ЧЕЛОВЕК И МИР ПРИРОДЫ В НОВЕЛЛАХ В. БОРХЕРТА («Гроза», «Любимая голубая, серая ночь»)¹

© **Наталья Игоревна ПЛАТИЦЫНА**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: natalia.platitsyna@mail.ru

Проанализированы новеллы немецкого писателя Вольфганга Борхерта, отражающие индивидуально-авторскую картину мира и содержащие размышления о человеке, находящемся в органичном взаимодействии с окружающим его природным пространством. Уточнены причины творческого интереса писателя к явлениям природы, констатируется идеологическая и поэтологическая соотнесенность рассматриваемых новелл («Гроза», «Любимая голубая, серая ночь») с прозой В. Борхерта, в которой жестокий военным будням противопоставляются любовь к жизни, преданность малой родине, одухотворенность внешних (материальных) объектов и предметов, искренняя увлеченность девушкой (юношей). Выявлены специфика и способы художественного воплощения природных образов в их корреляции с психологическим состоянием юных персонажей. Гипотеза исследования основана на предположении, что при создании «лаконичных природных зарисовок» В. Борхерт руководствовался идеей сохранения равновесия в мире при непосредственном участии самого человека. Актуальность обусловлена необходимостью уточнения и дополнения уже сложившихся научных представлений о проблематике и поэтике малой прозы писателя, потребностью в переводе на русский язык и включении в современный литературный контекст ранее неизвестных новелл В. Борхерта, остающихся вне сферы внимания ученых-филологов.

Ключевые слова: немецкая литература; В. Борхерт; человек и природа; художественная рефлексия

Творчество немецкого писателя Вольфганга Борхерта (Wolfgang Borchert, 1921–1947) мыслится как особое художественное пространство, репрезентирующее коллизию «человек и война» и демонстрирующее пристальный интерес молодого автора, рано ушедшего из жизни, к наиболее важным онтологическим и аксиологическим проблемам. В сфере внимания В. Борхерта находились преимущественно те экстремальные жизненные условия (война – послевоенное время – тюрьма), которые обнажали «предельность человеческого существования» (Е.А. Зачевский).

Переживший ужасы Второй мировой войны, испытавший тяготы плена, безнадежно больной писатель обладал удивительной способностью радоваться каждому мгновению жизни. Сам В. Борхерт вполне мог бы произнести те пронзительные слова, которые он вкладывает в уста одного из своих персо-

нажей: «Повеситься? Мне? Я – и повеситься, Бог мой! Неужели ты не понял, не понял, что я все-таки люблю эту жизнь? Бог мой, мне – и на фонарь! Выхлебать, вылакать, вылизать, выдавить, испить эту великолепную, горячую, бессмысленную, сумасшедшую жизнь! Ее-то я должен упустить?» («Разговор над крышами») [1, S. 56].

«Я постепенно смиряюсь с тем, что произошло: если бы я не оказался в тюрьме, я бы не написал «Одуванчик», если бы я не был болен – я бы вообще не написал ни слова. Жизнь, как рыба, имеет две стороны: порой блеснет серебристой изнанкой» [2, S. 174], – так в письме к своей подруге, Алине Буссманн, В. Борхерт сформулирует собственное жизненное кредо (от 1.05.1946). Между тем, отдельные фрагменты малой прозы (например, приведенная выше цитата) свидетельствуют о неисчерпаемом запасе душевных сил художника. Но, пожалуй, наиболее мощное звучание идея о всепобеждающей силе жизни получает в т. н. «лаконичных зарисовках природы» (“Kleine Naturschilderung”). К ним относятся: «Туй Хоо» (“Tui Hoo”, 1946) [3, с. 195-198], «Гроза» (“Das Gewitter”, 1947), «Любимая голубая, серая ночь» (“Liebe blaue

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Вторая мировая война в литературно-художественном сознании России и Германии XX–XXI вв.: нравственно-философский и поэтический контекст» (грант Президента РФ № МК-7193.2015.6 за 2016 г.).

graue Nacht”, 1947). В этих *зарисовках*, на наш взгляд, находят свое отражение те многомерные проявления человеческой жизни, которые писатель сознательно противопоставлял ужасам войны.

Художественный мир В. Борхерта наполнен не только горестными восклицаниями искалеченных войною солдат, но и звуками живой природы, запахами яблоневых садов и весеннего дождя. В этом мире есть место счастью от сознания близости любимого человека и горечи от разлуки с ним. В этом мире неодушевленные предметы или явления природы наделены именами и мыслятся как живые и одухотворенные. Писатель опозитивировал ночь, родной портовый Гамбург, овеиваемый Вселенною ветер, неторопливо катящую свои волны Эльбу – все то, что составило основу его мироощущения и определило тематику «невоенной» части творчества. При этом укажем, что состояние природы в “Kleine Naturschilderung” всегда связано с внутренним состоянием человека, а изменения в окружающем мире происходят в унисон с изменениями в его жизни.

В новелле «Гроза» (“Das Gewitter”, 1947) возникает именно такое соответствие – грозная природная стихия и человеческие взаимоотношения. «Небо было зеленым. И пахло страхом. Вечер пах пивом и жареным картофелем. Бесконечные узкие улицы пахли людьми, цветочными горшками и открытыми окнами спален. Небо стало желтым, как яд. <...>. Альстер поседел и оцепенело, как полный ужаса глаз мертвого животного, смотрел в небо. Он смотрел в надвигающуюся неизбежность. И побледнел, когда увидел, как сотни тысяч рыб внезапно оказались на его поверхности кверху брюхом. <...>. Город покорился» [4, S. 49-50], – жизнь замирает в ожидании приближающейся грозы, и Гамбург предстает не умиротворенным, а наполненным инстинктивно ощущаемой бедой. В то время как грозная стихия вступает в свои права, в одном из домов оказываются наедине молодой человек и девушка. Они не только укрываются от непогоды, но и переживают счастливые мгновения первой юношеской любви: «Только внизу, в передней, пульсировали два сердца» [4, S. 50].

Примечательно, что взаимоотношения молодых героев развиваются на фоне «взаимоотношений» двух улиток, находящихся

тут же, на стене: «На стене дома выделилась мокрота двух улиток, которые невозмутимо и без обоюдного приветствия ползли рядом друг с другом. Более шести часов они держались вместе, и каждая ждала, что другая уступит дорогу. Затем, наконец, они пришли к взаимному соглашению и уравнили время в движении. И каждая оставила тонкую, скользкую серебристую линию на стене» [4, S. 50]. В тот момент, когда обе улитки находятся достаточно близко от молодых людей, «громко и недвусмысленно дребезжит окно» (“...klirrte laut und unmißverständlich ein Fenster zu”) [4, S. 50]. И, словно предостерегая девушку от непоправимого шага, поднимается ураганный ветер: «Неожиданно ветер взвыл, закружил клочок бумаги, заклокотал пустой консервной коробкой по камням и понесся через парализованный город, словно стая голодных собак» [4, S. 50]. Каждое действие молодых героев сопровождается адекватной «реакцией» природных сил: как только испуганная девушка берет своего спутника за руку и прижимает ее к груди, «гром раздраженно твякает над крышей» (“Der Donner bellte gereizt über den Dächern”) [4, S. 51]. Но молодой человек, как указывает писатель, был «типичным мужчиной» (“Der junge Mann war ein typischer Mann”), а потому стремился не только завоевать расположение девушки, но и добиться куда большего (“Er wollte die so leicht gewonnene Stellung nicht nur halten, sondern nannte das Gewitter für sich ein unverschämtes Glück”) [4, S. 51]. Предпринимаемые им попытки к сближению не находят поддержки и вызывают недоумение героини: «...девушка посмотрела на него так, словно видела впервые. Он величественно кивнул ей: да, теперь я могу это сделать. Но она отодвинула его руку, быстро и безмолвно. <...>. И потом она выбежала в дождь» [4, S. 51].

Поскольку спутник девушки оказался «типичным мужчиной», ее внезапный уход вызывает у него тоже только недоумение. «Покачивая головой» («Нет, я тоже не понимаю») [4, S. 51], он берет в руки одну из улиток и снова «приклеивает ее обратно». Ошеломленный отказом, герой В. Борхерта садится на лестницу и продолжает смотреть на «невероятно густые водяные капли» (“...Er sah die unwahrscheinlich dicken, nassen Tropfen...”) [4, S. 51]. Достигшая своего апо-

гея в момент наивысшего напряжения между молодыми людьми, грозная природная стихия начинает отступать тотчас после ухода девушки: «Постепенно молния поблекла. Гром приглушил свою ярость. В Альстере трещали и булькали густые дождевые капли. Непередаваемо пахло молоком и землей. Кора деревьев была серо-голубой и блестящей, как кожа слона, гладкая и ровная, поднимающаяся из реки. <...>. Там (на небе. – *Н. П.*) висел узкий месяц. Небо было прозрачно и чисто как свеженачищенное оконное стекло. Воздух был шелковист, и первые звезды нерешительно вышивали узор в наступающей ночи. Было слышно глубокое дыхание людей во сне. Но деревья, цветы и трава бодрствовали и пили. Последний гром был так тих, будто ребенок отодвинул стул» [4, S. 52].

Окружающий мир возвращается в состояние покоя и гармонии, а отношения между молодым человеком и девушкой не переходят грань недозволенного.

Духовному единению человека и природы посвящена и следующая новелла – «Любимая голубая, серая ночь» (“*Liebe blaue graue Nacht*”, 1947). Композиционно она представляет собой пять фрагментов, при этом первая и третья части, а также вторая и пятая объединены по смыслу, четвертая же имеет собственный сюжет. Первый фрагмент воспринимается как подлинный гимн ночи: «Это неправда, что ночь все делает серым. Эта несказанная, неподражаемая серо-голубоватость – серая для кошек и голубая для женщин, – эта ночь так мучительно и так сладостно испускает дух, и она столь опьяняющая, когда овеивает нас между половиной десятого вечера и четвертью пятого утра. <...>. Вдыхаешь ты эту тайную силу серости, заставляющую кошек в Роттердаме и Фриско так чувственно и так страстно петь? Вдыхаешь ты серо-голубоватость соблазнительной ночи, опьяняющую, украшенную звездами, превращающую опустившуюся марсельскую девушку в Мадонну в тот момент, когда мягкий свет падает на ее веки, ее локоны и губы?» [4, S. 40-41].

Во втором фрагменте речь идет о молодом человеке и девушке, которые «бесцельно и безмолвно бредут сквозь переполненные ночью улицы» и переживают мгновения счастья от сознания близости другого: «...они

заблудились на периферии каменно-звериного города, где сады, аллеи и парки непривычно праздничны...» [4, S. 42]. В ночном пении лягушек герои способны расслышать то, что сейчас кажется им особенно важным:

«– Лягушка? Квакает так громко?

– Она поет, Лиза, она влюблена. Поэтому она так громко поет.

– Да ладно, дружище, поет?!

– Оставь, я считаю, что это очень мило.

– Мило – да, но поет? Я думаю, она смеется над нами. Слышишь, она смеется» [4, S. 42-43].

Третий фрагмент продолжает развивать авторскую мысль о величии и непреходящей ценности окружающего мира. Гимн ночи сменяется гимном дождю: «Пришел бы кто-нибудь и сказал, что он не любит дождь. <...>. Разве существует более прекрасная песнь, чем песнь ночного дождя? Есть ли хоть что-нибудь, что было бы так скрытно и так естественно, так таинственно и так болтливо, как дождь в ночи? Слышим ли мы симфонию тысячи капель, которые ночью болтают на мостовой и шелестят, сладострастно шепчут напротив окна и кровельной черепицы, которые тихо барабанят по лепесткам, под которыми спрятались миллионы сказочных комаров, и которые, благодаря нашей тонкой одежде, падают на нас и хлопают по плечу или с едва слышным звоном булькают в реке? Слышим ли мы хоть что-то, кроме нашей громогласной суеты?» [4, S. 43-44].

Главная героиня четвертого фрагмента – старая нижняя юбка (“*alte Unterrock*”), которую жена торговца овощами оставила под лестницей: «Спокойная, сладострастная, счастливая, лежала она (юбка. – *Н. П.*) в потоке капель, сумасшедшая вещь... – так жадно голубая шерстяная нижняя юбка охраняла ненастоящий мир от настоящего события, что всасывала дождь до тех пор, пока он не иссяк. Утром лестница была сухой, но старая юбка стала толстой и разбухшей, как огромная жаба!» [4, S. 45]. Неодушевленная вещь – шерстяная юбка – наделяется писателем теми свойствами, которые могут быть присущи только человеку. Она «спокойна, сладострастна и счастлива» (“*Behaglich, wollüstig, selig liegt er...*”) в той же степени, в какой довольны своей жизнью торговцы овощами: «...торговцы овощами снова надолго засну-

ли. Их широкие, напоминающие румяное яблоко лица были почти такими же счастливыми, как и старая нижняя юбка...» [4, S. 45-46].

Пятый фрагмент возвращает читателя к влюбленным молодым людям, которые все еще продолжают слушать пение лягушек под дождем. Их диалог, прерываемый многозначительными паузами, не сопровождается авторским комментарием – в данном случае совершенно излишним:

«– Лягушки еще поют, слышишь?»

– Ты думаешь, дождь мог бы охладить их любовь?

– О, я даже не знаю, что честные лягушки имеют в виду, когда поют. Настойчивость, во всяком случае, у них есть.

– Мою любовь не могут охладить и сто ливней. Наоборот!

– Ага. Кого же ты так задушевно любишь, гм?

– О, это некто, у кого влажные волосы и промокшие ноги дрожат под моей курткой» [4, S. 46].

Семнадцатилетний юноша называет ночной дождь ангелом, подразумевая, что он охраняет влюбленных и служит надежным предлогом для тех, кто не хочет возвращаться домой (“Es regnet, es ist dunkel und einsam und wir stehen dicht zusammen – ja, klar – das ist schön!..” [4, S. 47]). Последний фрагмент завершается символическим и в определенном смысле подытоживающим все части текста восклицанием: «Человек, если ты слышишь: Мы оба не хотим больше домой! Да, ты, дождь, – ангел!» [4, S. 49]. «Любимая голубая, серая ночь» – одно из наиболее светлых и оптимистических произведений В. Борхерта. Оно утверждает вечные человеческие ценности – любовь, способность расслышать другого, умение радоваться окружающему миру: «...мы хотим освободиться от глупого и самодовольного звания взрослого и снять его с себя, как изъеденную молью шерстяную кофточку, которую мы бросаем в кучу других старых вещей и сжигаем; и восхитительный дождь, сын моря и солнца, завитками пробегает по нашей рубашке. Пришел бы кто-нибудь и сказал, что насморк не стоит того!» [4, S. 45].

Если в новелле «Гроза» мощное природное явление «предостерегает» героиню от опрометчивого поступка, то в новелле «Любимая голубая, серая ночь» окружающий мир

гармоничен и умиротворен так же, как и молодые влюбленные герои, то в данном случае грозная стихия восстает против человека. С подобной интерпретацией соотносится общая логика авторского повествования: как представляется, при создании «природных зарисовок» В. Борхерт руководствовался идеей о том, что равновесие в мире не может быть восстановлено без участия самого человека. Однако если люди перестают ценить друг друга и тем более – отказываются признавать и искупать свои ошибки, то природа полновластно вступает в свои права.

Обращение к «лаконичным зарисовкам природы» продиктовано стремлением раскрыть еще один аспект творчества В. Борхерта, нередко остающийся за пределами внимания исследователей. В рассмотренных новеллах находят свое отражение те многозначительные проявления человеческой жизни, которые писатель противопоставляет ужасам войны.

Список литературы

1. *Borchert W.* Das Gesamtwerk. Mit einem biographischen Nachwort von Bernhard Meyer-Marwitz. Hamburg, 2005.
2. *Borchert W.* Allein mit meinem Schatten und dem Mond. Briefe, Gedichte und Dokumente. Herausgegeben von Gordon J.A. Burgess und Michael Töteberg unter Mitarbeit von Irmgard Schindler. Hamburg, 1996.
3. *Платицына Н.И.* Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта: монография. Тамбов, 2009.
4. *Borchert W.* Die traurigen Geranien und Geschichte aus dem Nachlaß. Herausgegeben mit einem Nachwort von P. Rühmkorf. Hamburg, 1962.

References

1. Borchert W. *Das Gesamtwerk* [Collected edition], with biographical comment from B. Meyer-Marwitz. Hamburg, 2005. (In German).
2. Borchert W. *Allein mit meinem Schatten und dem Mond. Briefe, Gedichte und Dokumente* [Alone with my shadows and moon. Letters, Stories and documents], eds. G.J.A. Burgess, M. Töteberg, I. Schindler. Hamburg, 1996. (In German).
3. Platitsyna N.I. *Chelovek i vojna v maloy proze Vol'fganga Borkherta* [A man and a war in the

short stories of Wolfgang Borchert]. Tambov, 2009. (In Russian).

4. Borchert W. *Die traurigen Geranien und Geschichte aus dem Nachlaß* [The sad geraniums,

and other stories], ed. P. Rühmkorf. Hamburg, 1962. (In German).

Поступила в редакцию 24.06.2016 г.
Received 24 June 2016

UDC 830(091)

A MAN AND A NATURAL WORLD IN THE SHORT STORIES OF W. BORCHERT (“The Thunderstorm”, “Dear, Blue-Grey Night”)

Natalya Igorevna PLATITSYNA

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: natalia.platitsyna@mail.ru

The short stories of German writer Wolfgang Borchert, reflecting individual-author’s world view and containing the thoughts about a man organically interacting with the surrounding natural space are analyzed. The reasons of the writer’s creative interest in natural events are specified, ideological and poetological relatedness of the short stories considered (Das Gewitter (The Storm), Beloved blue-gray Night) to the anti-war prose of W. Borchert where cruel war life is counteracted to love of life, devotion to small motherland, spirituality of external (material) objects and things, sincere fascination with a girl (a young man) are considered. The specifics and ways of artistic presentation of natural images in correlation with psychological state of young characters are revealed. The hypothesis of research is based on the guess that during creation of “laconic natural sketches” W. Borchert had an idea of keeping balance in the world with the immediate participation of a man himself. The relevance is in the necessity of specifying and adding the already build scientific notions about problematics and poetics of small prose of the writer, the need in translation into Russian language and include into modern literary context the unknown short stories of W. Borchert, being out of the interest of philologists-scientists.

Key words: German literature; W. Borchert; a man and nature; artistic reflection

Информация для цитирования:

Платицына Н.И. Человек и мир природы в новеллах В. Борхерта («Гроза», «Любимая голубая, серая ночь») // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 62-66.

Platitsyna N.I. Chelovek i mir prirody v novellakh V. Borkherta (“Groza”, “Lyubimaya golubaya, seraya noch”) [A man and a natural world in the short stories of W. Borchert (“The Thunderstorm”, “Dear, Blue-Grey Night”)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulyturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 62-66. (In Russian).